

таться окончательно решенным. Приведены сведения об установлении связей с Византийской империей в начале X в. Признавая, в какой-то степени в духе «норманской» теории, участие норманнов в жизни древней Руси, автор все же придерживается очень умеренной точки зрения: он подчеркивает славянский характер большинства населения Киевского княжества. По его словам, роль варягов была ограничена и не простиралась в область духовной жизни, а, с другой стороны, само обстоятельство, что они были малочисленны сравнительно с славянским населением, предопределяло «их ассимиляцию». С другой стороны, итальянский ученый склонен принять точку зрения советских историков, согласно которой древнерусское государство сложилось не в результате норманского завоевания, а вследствие «спонтанного объединения славянских племен». Отмечая отсутствие письменности у варягов, автор заключает: «Итак, многочисленные соображения заставляют нас принять, что Киевская Русь, когда она в X в. пришла в соприкосновение с Византией и с православным славянством, была, в сущности, славянской, что ее князья (Святослав, Владимир) были также уже славянизированы и что, следовательно, исследователь начального периода (русской истории — И. Д.) должен считать норманское влияние фактором, проявившимся лишь в предхристианский период Руси» (стр. 23).

Таким образом, принятие христианства Киевской Русью определяется как «сближение языческого восточного славянства (Славия) с Византией и с южнославянским ядром православного славянства».

Несколько страниц посвящено вопросу о христианизации Киевского княжества и деятельности князя Владимира. Заклучая его в рамки общих политических событий, Пиккио ставит этот вопрос в связь с событиями в Византийской империи, именно с «кризисом, противопоставившим Варду Фоку Иоанну Цимисхию». События, связанные с крещением Киевской Руси, правильно отнесены к 988—989 гг.; следовательно, оно может быть связано лишь с бунтом Варды Фоки в период с 15 августа 987 г. до апреля 989 г. против императора Василия II (976—1025). Империя очень часто использовала христианизацию разных народов как средство для привлечения их к своей политике и иногда подчинения своему влиянию. Р. Пиккио, принимая во внимание в числе прочих обстоятельств брак киевского князя с византийской принцессой Анной — сестрой императора Василия II, правильно отмечает выгоды заключенного русско-византийского соглашения для киевского князя: «Киевский князь не совершил акта пассивного подчинения восточному христианству, но включился в византийский мир с широкими правами» (стр. 24). Чтобы объяснить уступчивость империи по отношению к Владимиру, следовало бы вспомнить еще некоторые условия, прежде всего непрочность 30-летнего императора на престоле и особенно его затруднения из-за борьбы с болгарами под предводительством Самуила.

Подчеркивая «очень широкие» последствия введения христианства для культурного развития России, Пиккио коротко останавливается и на вопросе о письменности. Тут он сообщает лишь то, что мы находим в другой его работе,⁷ где этому вопросу уделено больше места, и заявляет, что речь идет лишь о кирилло-мефодиевской письменности, пришедшей от южных славян. «Если как событие религиозного и политического характера хри-

стр. 134—155. С дополнениями эта статья издана на французском языке: A. V. Soloviev. Le nom byzantin de la Russie. Mouton et Co. S — Gravenhage, 1957, 54 стр. См. некоторые добавления и у меня: Byzantinische Zeitschrift, t. LI. München, 1958, стр. 181—182; Byzantinoslavica, t. XXI. Praha, 1960, стр. 315—318.

⁷ R. Picchio. Osservazioni sulla tradizione stilistica... стр. 110—113.